РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

И.Е. Дискин

Анализ изменения глобальной диспозиции, влияния новых «центров силы» для России не предмет лишь академического интереса, но необходимое условие выработки реалистичной стратегии российской модернизации. Новая глобальная диспозиция, структура интересов ведущих «глобальных игроков» в большой степени будет определять условия глобальной конкуренции и, соответственно, возможности технологического развития секторов отечественной экономики, спрос на российскую продукцию и, как следствие, станет важным фактором успеха нашего проекта.

Оценка взаимосвязи новой глобальной диспозиции и российской модернизации требует в качестве исходной точки отсчета определиться с критерием успеха. Для этого можно пойти путем всеобъемлющего описания проекта в его научно-техническом, экономическом и социально-политическом измерениях. Это вообще малоподъемное занятие, да и скорее всего, ведущее к множеству внутренних противоречий.

Но можно пойти и другим путем — задать два-три критерия, характеризующие граничные линии проекта, заступить за которые значит лишить его основного смысла. Про один критерий — экономический — говорилось многократно: снижение зависимости экономики страны от волатильности цен на сырьевые ресурсы. Но есть и другой критерий — социологический: создание макросоциальной системы, обеспечивающей активным, квалифицированным и талантливым гражданам России комфортные условия воспроизводства и реализации своего человеческого потенциала. Это социологическое измерение

вполне созвучно словам Д.А. Медведева: «Мы должны сделать все, чтобы люди хотели остаться в стране, где они получили образование, — наши люди, молодые люди»¹. Эта система призвана обеспечить своего рода социальное равновесие с Западом, чтобы лучших не утягивали из дома привлекательные условия труда и жизни, чтобы они оставались дома и работали и на себя, и на Россию.

Предлагаемый критерий — одновременно индикатор, способный тестировать характер модернизации всех основных социальных подсистем.

При анализе взаимодействия российской модернизации и новой глобальной диспозиции следует учесть специфику современной российской модернизации. Идущая сегодня модернизация почти полностью основана на импорте технологий. В результате она создает относительно немного добавленной стоимости, рабочие места с относительно низкой квалификацией и заработной платой. Достаточно оценить последствия создания в нашей стране целого ряда автосборочных предприятий. Не сильно изменит положение и достраивание соответствующих кластеров, включающих производство компонентов. Да, импорт сократится, рабочих мест станет больше, но квалификационная структура улучшится ненамного. Более всего возрастет спрос на низкоквалифицированных мигрантов. Но это, как показывает опыт Западной Европы, обоюдоострое решение.

Главный недостаток идущей модернизации: она не создает спроса на российские интеллектуальные ресурсы, на качественное образование — на инновационный потенциал в целом. Также она

не создает высокомаржинальные сектора, которые, в свою очередь, могли бы стать «дойными коровами» для остальной экономики, для бюджета.

Для того чтобы оценить значение высокомаржинальных секторов для экономического успеха, можно привести следующие данные. Так, экономика США, которая, можно сказать, специализируется на высокомаржинальных секторах, достигла в 2008 г. уровня ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) в 48 тыс. долл. «Старые» индустриальные экономики с большой инновационной компонентой, такие как Германия, достигают очень высокого уровня в 37 тыс. долл. Даже очень успешные страны, ставшие в свое время лидерами последующих волн модернизаций, основанных на импорте технологий и создании массовых промышленных производств, а сейчас встраивающие в них определенные инновационные элементы, достигли существенно меньшего. Так, Республика Корея уже в течение нескольких лет подбирается к уровню в 28 тыс. долл. Близкий уровень в 29–32 тыс. долл. — у другого «азиатского тигра» первой волны, Тайваня, при схожем типе экономики, но совершенно другой его структуре².

Можно сделать важный вывод, что структура экономики, соотношение в ней высоко- и низкомаржинальных секторов в большой степени определяет ту планку уровня экономического развития и, соответственно, уровня жизни, до которой может «дотянуться» соответствующая страна. В этом смысле решение критериальной задачи достижения социального равновесия требует адекватного ответа — достаточно высокой доли высокомаржинальных секторов в российской экономике. Это означает, что нам в ходе модернизационного проекта, в условиях существенно острой глобальной конкуренции придется находить высокомаржинальные ниши.

Экономическому и социологическому измерениям модернизации соответствует

кардинальный структурный сдвиг — повышение инновационной компоненты экономического роста. Иные альтернативы не отвечают избранным критериям. Нет инновационного развития, нет спроса на таланты, не остановить «утечку мозгов». При существующей модели модернизации не поднять экономику до уровня, когда она окажется способной финансировать современную систему образования, здравоохранения, социальную сферу в целом. Так же так невозможно поднять уровень жизни, чтобы обеспечить «социальное равновесие».

При оценке альтернатив экономического развития следует учесть и технологический тренд, критичный для нашего развития. Через пятнадцать — двадцать лет новые технологии превратят нефть в такое же обычное сырье, как, например, уголь. Это снизит цены на нее на 25–40%. Нет нужды обсуждать последствия инерционного развития ситуации, когда через 15 лет наша экономика враз потеряет 7–10 лет развития. Кадры еще не забытых новостей из Греции — это еще оптимистический сценарий.

Следовательно, нам нужна траектория перехода к новой экономике. Можно прикинуть самые предварительные ее ориентиры. Для «социального равновесия» необходимо обеспечить европейский уровень жизни активных слоев и групп. Учитывая большую, чем в остальной Европе, социальную дифференциацию, для этого нам необходим рост ВВП еще на 50–60% по отношению к уровню 2008 г.³ Перспективу достижения уровня ВВП в 3,45–3,7 млрд долл. по паритету покупательной способности (Россия займет место в первой пятерке экономик) можно рассматривать в качестве минимальной цели, которая должна быть достигнута через десять — пятнадцать лет⁴. При оценке этих перспектив следует учитывать, что данный сценарий включает существенное снижение цен на нефть (газ — отдельный сюжет) к концу этого периода. С учетом прогнозируемого сни-

жения цен на нефть рост должен составить уже 70–90%, а это потребует очень высоких темпов и предельных усилий.

Достичь этих параметров непросто. Нужно понять, за счет чего их можно достигнуть в первой четверти XXI в. Развитие массовых производств, заимствование технологий может дать, по оценке ряда экспертов, рост ВВП на 40–45%. Но этого недостаточно. Где взять еще? Безусловно, это **инновации**.

Для задействования этого ресурса, собственно, и нужна обсуждаемая модернизация как политический проект. Для модернизации за счет заимствования технологий необходимо лишь повышение качества конкуренции и «длинные деньги». Для продолжения действующей модели модернизации особых препятствий нет. Результат не годится.

Для создания инновационной экономики требуется эффективное государство, осознающее свою политическую миссию и сменившее стиль и методы управления. Только так можно создать инновационный сектор с объемом реализации примерно 5–6 трлн руб. Его численность составит порядка 1–1,3 млн человек.

Для сравнения: в 2008 г. численность всего сектора, занятого исследованиями и разработками, составляла 760 тыс. человек. Из них имели степень по специальностям, относящимся к инновациям, лишь 85 тыс. Выпуск из аспирантуры — потенциальный резерв роста — составлял 8,5 тыс. человек. Объем финансирования науки и разработок из всех источников — всего лишь 830 млрд руб., т.е. на порядок меньше, чем нужно⁵.

Для оценки результативности этого сектора можно привести следующие данные: в 2008 г. заключено 2 тыс. соглашений по экспорту технологий объемом 65 млрд руб. Объем доходов от экспорта технологий — 21 млрд руб., т.е. 0,85 млрд долл. Это много меньше, чем экспорт программных продуктов. Объем же импорта технологий — 55 млрд руб.⁶ Сюда не входит импорт машин и оборудо-

вания, где внутри «сидят» многие миллиарды долларов импорта технологий.

Для более реалистичных оценок нашего технологического экспорта к этим цифрам следует добавить 20% доходов нашего оборонного сектора, т.е. 1,4–1,5 млрд долл. К ним следует приплюсовать долю высоких технологий в издержках нашего экспорта, прежде всего энергоносителей и металлургии; долю в строительстве АЭС за рубежом и в экспорте услуг по запуску спутников. По оценкам, итог составит 4–5 млрд долл. Это уже в пять раз больше, но практически ничто — менее 1% в объеме нашего экспорта в 2008 г.

Эти данные — не повод для уныния, но стимул к исправлению ситуации. Оптимизм подкрепляют темпы роста инновационного сектора, такого как экспорт программных продуктов, составлявшие до кризиса 30–40% в год. Если энергичные меры в рамках модернизационного проекта приведут к чему-то близкому к этому успеху, то за 15 лет можно будет получить рост экспорта высокотехнологичной продукции до 60–65 млрд долл. и программного продукта еще до 10 млрд. Это — больше трети от искомых объемов, остальное должен дать внутренний рынок. Это трудный, но все же возможный результат. Дело за политической волей, квалификацией и упорством.

Если выбирать точки приложения сил, сулящих потенциальный успех на инновационном поле, то, скорее всего, **наше дело — создание прорывных технологий и продуктов.** Они, как показывает практика, создают самую высокую маржу, а также спрос на все компоненты технологической цепочки. Предпосылка для этого у нас немало. Недаром в мировом хайтеке говорят: «Если нужно решить трудную задачу — зовите китайцев, если невозможную — русских». Прорывные технологии — всегда область невозможного. Следует также иметь в виду, что **наличие широкого фронта качественных фундаментальных исследований — наше**

огромное конкурентное преимущество по сравнению, например, с нашими партнерами по БРИК, а также с большинством потенциальных конкурентов.

Но здесь высокий барьер. За 90-е годы страна потеряла целые сектора проектных институтов. Да, они были плохонькими по оснащению, но имели кадры для роста. Сегодня на их месте — общежития для гастарбайтеров, торговые центры. Их символ — башня «Дельты» на Щелковском шоссе. Кое-что в оборонке и рядом сохранилось, но для превращения исследовательской установки, демонстрирующей работоспособность научной идеи, в промышленный образец этого совершенно недостаточно.

Без решения этой задачи наращивания предложения проектов, мы лишь питаем наших конкурентов. **Результат — превращение нашей науки в «интеллектуальный сырьевой придаток» Запада, прежде всего США.** Частью российского модернизационного проекта должна стать программа по созданию дизайнерских центров в секторах прикладной науки. Следует ясно понимать, что создание прикладной науки, дизайнерских центров требует капиталовложений, неизмеримо больших, чем в развитие собственно фундаментальной науки.

Для оценки альтернатив следует учесть, что разработка локальных технологий и частичное повышение качества продуктов, как показывает опыт, удаются нам не слишком. Да и плотность конкуренции здесь предельно высока. Локальные успехи российских «левшей» вряд ли могут служить прочной базой для стратегии.

Следующий ресурс — сырье. Аргументы в пользу разработки природных ресурсов уже не очень-то и нужны. В смысле создания высокой маржи у этих секторов конкурентов мало. И президент, и премьер вновь заговорили о важности их эффективного использования.

Экономика массового потребления растущих гигантов, прежде всего наших

партнеров по БРИК, вызывает спрос на сырье. Этот спрос — ресурс нашего роста.

Нужно добавить еще задачу превращения сырьевых отраслей в драйверы инноваций и высоких технологий. Для этого нужны энергичные меры по импортозамещению высоких технологий в издержках сырьевых отраслей. Похоже, в сознании нашей политической элиты дело идет к избавлению от синдрома «сырьевого придатка». Это позволяет уйти от аффектов и вполне прагматично ставить задачу снижения зависимости отечественной экономики от высокой волатильности сырьевой конъюнктуры.

Нужно не проглядеть и новые возможности российского сельского хозяйства, созданные мировой конъюнктурой. Динамичного импортозамещения уже мало. У нас есть шанс получить хороший кусочек глобального рынка продовольствия. Этот рынок будет расти по меньшей мере еще пару десятилетий. Это редкий шанс превратить сельское хозяйство в высокотехнологичный сектор, в крупного потребителя отечественного высокотехнологичного сектора.

Это лишь примеры проблемного подхода, неотрывного от успешной модернизации. Но нужен еще и профессиональный анализ альтернатив, выявление «бутылочных горлышек», затрудняющих решение проблем.

Интересы «ключевых игроков» США:

- стремление к сохранению своего преобладания в секторах с высокой маржой. Только это способно сохранить сверхвысокий уровень жизни США;
- негативное влияние бюджетных проблем на поддержание их силовой мощи, необходимой для сохранения роли «магнита» мировых инвестиций;
- выбор путей преодоления кризиса раскалывает американские элиты. Формируется значимое ценностное противостояние, захватывающее широкие обще-

ственные круги, от элиты до низов. Успех Б. Обамы — победа либеральных ценностей, поражение — консервативных.

США заинтересованы в сохранении структуры американской экономики, глобальных позиций Америки. Ей жизненно необходимо проложить свой путь в посткризисный мир. США необходима серьезная поддержка мировых игроков. Б. Обама будет готов предоставить ее участникам места в совете директоров, сохраняя председательство и контрольный пакет.

Европа заинтересована в серьезных структурных сдвигах в собственных экономиках, обеспечивающих новые источники экономического роста и благосостояния. Это требует конкуренции с Америкой в секторах с высокой добавленной стоимостью. Последствия кризиса заставят европейских «грандов» пересматривать **соотношение евроатлантической солидарности, с одной стороны, и интересов экономического развития — с другой.**

Интересы Китая определяются многомерной переходной ситуацией:

- от экспортной модели экономики к более сбалансированной, с большей ориентацией на внутренний рынок;
- от экономики, опирающейся на иностранные, прежде всего американские инновации, к опоре на собственные ресурсы;
- переход к новой социальной структуре: модернизированные социальные слои и группы еще не стали доминирующими. Прежние ценности и нормы большинства уже серьезно поколеблены;
- еще не завершена смена лидерства в китайских элитах.

Успешное завершение всех этих переходов далеко не гарантировано, хотя руководство КНР, как представляется, в целом осознает их риски. Но макросоциальные проблемы, возникающие в этой связи, существенно превышают возможности политического контроля.

В борьбе за социально-экономическую и политическую сбалансиро-

ванность неизбежно проявятся фундаментальные недостатки институциональной, прежде всего политической системы КНР, ее недостаточная гибкость и динамичность, искажения в обратных связях. Конкуренция в элитных группах будет углублять существующие противоречия.

Предстоит нащупывание нового курса:

- продолжить переориентацию экономики на внутренний рынок с большей опорой на национальные инновационные ресурсы;
- временно войти в качестве младшего партнера в ведомую США глобальную коалицию по восстановлению прежней, комфортной для Китая финансово-экономической системы;
- использовать глобальный кризис для продвижения китайского проекта, повышения глобальной роли КНР;
- выступить в качестве лидера «восточноазиатского» геополитического проекта.

Тактический альянс, усиливающий и без того существующую глубокую интеграцию США и КНР, теоретически может перерасти в разностороннее стратегическое партнерство. **Призрак «Чимерики» бродит по миру.**

Выбор в пользу глобальной дуополии встретит серьезную оппозицию в китайских элитах, воспитанных в противостоянии США. Новые элиты, способные к столь драматическому стратегическому маневру, соизмеримому с визитом Никсона в Китай, еще не поднялись достаточно высоко по ступеням иерархии. Альтернатива — быстрое завершение переориентации на внутренний рынок, на собственные технологические ресурсы.

Геополитические ориентиры Индии определяются явными опасениями в отношении намерений КНР. Например, военно-морские базы Китая в Пакистане и в Мьянме официально рассматриваются как элементы стратегического окружения Индии. Этим определяется стремление части ее руководства к со-

трудничеству с США. Этим же определяются ее колебания в отношениях с Россией, которая, по мнению индийских экспертов, тесно сотрудничает с КНР в наращивании его военного потенциала.

Элиты этой страны нервно реагируют на вероятность появления «Чимерики». Формирование стратегического альянса США и КНР или даже их значимое военно-политическое сближение будет рассматриваться Индией в качестве угрозы, перевешивающей все экономические расчеты.

В элитах и интеллектуальных кругах Индии с сожалением констатируют снижение возможностей России в решении ключевых проблем развития Индии. В Индии усиливается ориентация на мультиполярность, на использование G-20 и БРИК. БРИК, с точки зрения влиятельных индийских экспертов, хорошая возможность для ограничения «свободы рук» Китая. Индия будет стремиться войти в состав «глобального совета директоров» на равных с Китаем.

Важный фактор — поиск стабильного источника технологического трансферта. Традиции Индии удерживают ее от однозначной ориентации на американские источники трансферта. У Индии не сложился технологический альянс с Европой. Давние научно-технические связи с Россией также пока далеки от уровня, оказывающего влияние на ее развитие.

Индия окажется вовлеченной в формирование конфигурации глобальных инновационно-технологических потоков. При этом размер индийского рынка выступает весомым аргументом при определении условий этой конфигурации. Многоаспектный стратегический альянс с Индией, учитывая наличие длительных научно-технических связей с нашей страной, — шанс для России кардинально расширить рынок ее высокотехнологичной продукции. Этот альянс — незаменимая возможность и для Индии, и для России повысить свои

геополитические рейтинги. Здесь наличию редкая синергия.

Интересы России. Главный интерес — **повышение глобальной субъектности России.** Сохранение внутренних слабостей — риск поражения России в борьбе за место в глобальной конфигурации.

Формирование американо-китайской глобальной дуополии не оставляет России места в качестве значимого игрока. Но широкая коалиция во главе с США создает России широкое поле для маневрирования, для реализации своих интересов.

Один из ресурсов повышения глобального влияния нашей страны — развитие БРИК. За последние годы эта группа стран создала реальные механизмы координации своих позиций, и БРИК, как показывают результаты недавних заседаний G-20, становится влиятельным фактором глобальной политики. Есть заинтересованность и наших партнеров в усилении влияния БРИК. Без России и у Индии, и у Бразилии недостаточно влияния, чтобы добиться консолидированной позиции БРИК. Китай не захочет оставлять «без присмотра» треугольник БРИ. Одновременно Китай также осознает значение консолидированной позиции стран, в которых живет 40% населения планеты и рост экономик которых определяет глобальную динамику. **Россия имеет реальный шанс играть роль модератора БРИК и усилить свое глобальное влияние.**

Россия заинтересована в корректировке глобальной финансовой системы, модели глобализации, в создании глобальной коалиции за их корректировку. Создание этой коалиции, ко всему прочему, снизит вероятность создания альянса США и Китая. В ее состав могут войти США, ЕС, Индия, Россия, Бразилия и, возможно, Китай при выборе им соответствующей стратегии.

Стратегические ориентиры российской модернизации в новой конфигурации интересов. Наиболее значимый вызов российской экономики — выстраивание ее но-

вой структуры, использование страновых конкурентных преимуществ для занятия комфортных позиций в экономических секторах и нишах с высокой маржой.

Конкуренция за высокомаржинальные сектора будет ожесточенной. Внутренний российский рынок в большинстве случаев слишком мал, чтобы стать самодостаточным для «раскрутки» новых продуктов и технологий. Оценки показывают, что, например, для емкости платформы легкового автомобиля необходимо присутствие на рынке в миллиард человек. Минимальный размер рынка основных промышленных товаров — 250–300 млн человек.

Выход: завоевание рынков, благосклонных к российским товарам и технологиям; создание альянсов для продвижения российских или совместных технологий. Для расширения рынков сделан важный шаг — создан Таможенный союз. Возможности добавляют ЕвразЭС и поворот в отношениях с Украиной. Но мал даже их совокупный размер.

Нужно завоевывать рынки стран, хорошо знакомых с российской техникой: Индии, Вьетнама, ряда стран Ближнего Востока, Африки, а также Венесуэлы, Бразилии и Аргентины. Суммарный размер этих рынков уже достаточен для окупаемости любой потенциально конкурентоспособной технологии или продукта.

Второе направление — создание альянсов в разработке и продвижении прорывных продуктов и технологий. У России есть фундаментальные заделы и концепции, но нет ресурсов для созда-

ния промышленных образцов и возможностей для массового производства. Здесь Россия должна использовать идущий все интенсивнее процесс переноса крупнейшими корпорациями своих R&D-центров в страны с более низкими издержками. Наша страна должна принять самое активное участие в конкуренции за новое место дислокации этих центров. Собственно, создание иннограда «Сколково» — осознанный или неосознанный, не важно, ход в этой конкуренции. Нужно перейти к осознанной стратегии участия в этом процессе и создать систему предпочтений для иностранных корпораций, размещающих у нас свои исследовательские и инжиниринговые центры.

Без потенциала инжиниринга Россия — поставщик интеллектуального сырья, но без искомым доходов. Первый сценарий — альянс со странами ЕС, нуждающимися в российских фундаментальных исследованиях, использование европейского опыта разработок и инжиниринга. Результат — совместный инжиниринг, совместная собственность на продукты, справедливый раздел доходов. Второй сценарий — альянс внутри БРИК, прежде всего с Индией и Бразилией, стремящихся к созданию собственных технологических ресурсов развития. Здесь общий интерес. Россия восстанавливает потенциал разработок, расширяется емкость рынков. Выгода для партнеров — быстрое развитие технологического потенциала.

Такая стратегия может проложить дорогу России к успеху в модернизации.

¹ Медведев Д.А. Стенографический отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России (19 июня 2010 г., г. Санкт-Петербург) [Medvedev D.A. Stenograficheskiy otchet o yasedanii Komissii po moderniyatsii i tekhnologicheskomy rayvitiju ekonomiki Rossii. June 19, 2010, St-Petersburg].

² CIA The World Fact Book. URL: www.cia.gov (accessed July, 12, 2012).

³ 41,4 трлн руб. (данные Федеральной службы государственной статистики (data of the Federal Service of State Statistics). URL: www.gks.ru); \$2.298 trillion (2008 est.), CIAThe World Fact Book.

⁴ Здесь видно совпадение с оценками наших перспектив, выдвинутых В.В. Путиным. Различие — в оценках источников роста, соответственно, инноваций и «новой индустриализации».

⁵ Российский статистический ежегодник, 2009 г. URL: www.gks.ru (дата обращения: 12.07.2012 г.) [Rossijskiy statisticheskiy ezhegodnik, 2009. URL: www.gks.ru].

⁶ Там же.